

Введение

Аудитория книги. — Невидимые элементы социального мира. — Социологическое «расколдовывание» закрытых частей общества. — Основные подходы к описанию. — Социология профессий. — Роль юриспруденции. — Эмпирические данные и методы анализа. — Сложности в описании. — Как устроена книга

Для кого эта книга?

Одна из ключевых задач социологии¹ — «расколдовать» закрытые социальные пространства: показать, как они на самом деле устроены, выявить их внутреннюю логику, сделать прозрачными и понятными. Классическая социологическая теория первой половины XX в. предполагала, что нужно последовательно описать все части общества так, чтобы стало понятно, как они устроены. В тот момент, когда социологи представляли картину в целом, они могли дать рекомендации, как решить те или иные проблемы и каким образом можно реформировать общество так, чтобы избежать новых. Социологические исследования нередко превращались в практические пособия по работе с тем или иным сообществом². Изначально исследования, описывающие жизнь предпринимателей или чернорабочих, домохозяйек или обитателей гетто, предназначались в первую очередь для профессионалов. Но вскоре стало понятно, что книги, написанные социологами, и результаты их исследований интересуют не только ученых.

Во-первых, обычные люди стали интересоваться, а что же происходит в сфере «X» (например, как живут охотники на оленей или как на практике работает налоговая инспекция). Социологические и антропологические исследования давали человеку своего рода «карту местности»: здесь обитают такие-то и такие-то сообщества, здесь проходит

¹ Социология начиналась с работ, описывающих незнакомый читателю мир «польского крестьянина» или жизнь «обычного городка» в Америке. См.: *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group. University of Chicago Press, 1918; *Уорнер У.* Живые и мертвые. СПб., 2000. Сегодня эта традиция развивается в числе прочего в рамках подхода, названного «публичной социологией». См.: *Burawoy M.* For Public Sociology // *American Sociological Review.* 2005. 70. 1. 4—28. См. также дискуссию в журнале *Laboratorium* (№ 1 за 2009 г.).

² См.: *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Prentice-Hall, Inc., 1967.

граница между ними, здесь зона, в которой они встречаются, и т. д. В результате книги, написанные социологами, стали популярны: множеству людей интересно, как устроен, например, мир бандитов¹ или что объединяет школы, тюрьмы и больницы².

Во-вторых, уже в начале 1960-х гг. многие инсайдеры заинтересовались такого рода литературой³. Особенный интерес проявили те, кто управлял структурами и институтами, которые становились объектом социологического исследования. Директора машиностроительных заводов, ректоры университетов, руководители больниц увидели, что социологические исследования позволяют им лучше понять, как реально работает та или иная сфера, а значит, каким образом можно ее менять. Почему профессора не мешают студентам списывать или рабочие так упорно противятся тем или иным нововведениям? Профессиональная деятельность, язык, на котором привыкли говорить друг с другом инсайдеры, имеют огромное количество «слепых зон» — сфер, которые непосвященным просто не видны.

Социологические и антропологические исследования позволяли выявить, как именно на практике осуществляется та или иная деятельность. Однако не все профессиональные корпорации заинтересованы в раскрытии своих секретов: не каждый врач готов рассказать постороннему человеку о том, как на самом деле принимается решение в сложных случаях, и не каждый следователь — о том, как принимается решение о виновности. Но это чаще происходит не потому, что представители этих профессий нарушают закон или преступают этические и профессиональные нормы и понимают, что им есть что скрывать, а потому, что они полагают, что «кухня» их работы слишком сложна, чтобы быть понятной постороннему. А то, что они могут рассказать, лишь создаст крайне негативное впечатление если не о сообществе в целом, то о рассказчике.

Однако пока человек не понимает, что происходит, к примеру, как работает здравоохранительная или правоохранительная система, он находится во власти ее представителей, превращаясь из партнера по коммуникации в объект воздействия. Так, пока мы не понимаем, что происходит в суде, мы вынуждены слепо следовать советам, которые нам дают сотрудники суда. Мы не можем определить, когда нас созна-

¹ См.: Волков В. Силовое предпринимательство. М., 2005.

² См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

³ Надо сказать, что нередко подобные работы создавались и внимательными инсайдерами. Можно порекомендовать написанную в жанре публицистического исследования книгу А. Корсакова, показывающую работу общего надзора отечественной прокуратуры: Корсаков А. Прокуратура: взгляд изнутри. Публицистическое исследование. Комсомольск-на-Амуре, 2012.

тельно обманывают или когда показывают только один из возможных вариантов действия. Исследования закрытых структур необходимы потому, что разрушают этот порядок: делают эти структуры и правила, по которым они работают, прозрачными, т. е. дают возможность каждому принимать решения, от которых в конечном счете может зависеть его судьба.

Наша книга — это попытка «расколдовать» небольшой фрагмент реальности, который называется «предварительное следствие». Этот фрагмент — путь уголовного дела от признания факта преступления до суда или (если преступник не найден) до архива, то, что на профессиональном языке называется «следственная работа».

Наша книга адресована трем группам читателей.

Во-первых, социологам, которые работают в сфере изучения профессий и социологии права. Эта книга — подробное описание одной из профессиональных групп, кропотливое, опирающееся на большой массив материалов воссоздание ее повседневности. Отдельно обратим внимание на то, что большинство следователей имеют юридическое образование, поэтому изучение этого сообщества позволяет понять, как устроена юридическая профессия в России.

Во-вторых, наша книга написана для юристов. В обсуждении проблем предварительного расследования и работы следователей юристы-ученые апеллируют к эмпирическим фактам, но используют лишь те немногие, что признаются в юридической среде: изучение материалов конкретных уголовных дел, небольшие опросы (меньше 400 участников) правоприменителей с простыми распределениями, личный опыт. Такое ограниченное использование эмпирических аргументов объясняется тем, что в России практически нет традиции эмпирического изучения права, которая сильно повлияла на исследования правоприменения и практику реформ в XX в. в американской и европейской юриспруденции. Да, некоторые ученые-юристы обращают внимание на то, что на работе следователей сказываются, в частности, ведомственные управленческие решения, например возведенное в абсолют требование направлять уголовные дела в суд (как положительный показатель, характеризующий работу следователя¹). Однако для того, чтобы решить эту проблему, эти ученые предлагают создать независимый следственный орган, не анализируя то, какую роль статистика начала играть в таком «независимом» от других правоохранительных

¹ То есть следователь может по закону, но не может на практике прекратить дело на стадии расследования, что заставляет его делать большое количество лишней работы и искажает нормальную логику предварительного следствия. Мнение профессора Л. А. Воскобитовой см.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 72.

структур органе, как Следственный комитет РФ¹. Другими словами, игнорируя эмпирически наблюдаемый факт, что движение по этому пути приводит к усугублению проблемы, а не к ее решению. Такое развигание, как говорит нам опыт социологических и экономических исследований, было предсказуемо². Подробно описывая, почему не возник эффективный судебный контроль над следствием или институт адвокатского расследования, эксперты обоснованно перечисляют проблемы, связанные с организационной структурой следствия и судостройством, кадровые и политико-идеологические причины³, но ограничиваются лишь перечнем, не объясняя, что же это за причины⁴. Ученые говорят о следователях как группе с особой субкультурой⁵, но что это за субкультура? Каковы профессиональные ценности следователей, что для них обычная работа, как выстраиваются на практике отношения с прокурорами, адвокатами, судьями? Наше исследование начинается там, где останавливаются исследования юристов: с описа-

¹ Например, Б. Я. Гаврилов и Ю. А. Цветков последовательно используют аргумент, что снижение числа лиц, оправданных судом или реабилитированных на следствии, говорит о возрастающем качестве следствия. См.: *Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 123—124, 201—202. При этом эмпирические исследования практики следственной работы показывают, что требование недопущения оправдательных приговоров или признания человека, привлеченного к уголовной ответственности, невиновным на предварительном следствии создает стимулы к поиску суррогатных решений: прекращению дел в связи с примирением сторон, фальсификации доказательств виновности, т. е. ровно к обратному — снижению качества следствия. См.: *Панях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д.* и др. *Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования*. Ч. 1: Диагностика работы правоохранительных органов РФ и выполнения ими полицейской функции / под ред. В. В. Волкова, Э. Л. Панях. СПб., 2012. Поддерживают такую стратегию и суды, не вынося оправдательные приговоры и используя любые возможности для прекращения уголовных дел или назначения более мягкого наказания. См.: *Разогреева А. М.* «Поворот к лучшему»: практики переквалификации при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // *Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова*. М., 2015. С. 199—230; *Новикова А.* *Практики суррогатных оправдательных приговоров*. URL: <http://polit.ru/article/2013/02/14/court>.

² См.: *Шклярчук М. С.* *Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы*. СПб., 2014. Ю. А. Цветков в книге «Аппарат власти следственной» (под общ. ред. Н. А. Колоколова) приводит данные, что в 2014 г. в Следственном комитете следователей было чуть меньше 41% от числа работающих.

³ Мнение одного из экспертов — профессора Н. Н. Ковтуна см.: *Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 143, 148—151, 164.

⁴ Относительно судебной власти см. описание, которое не ограничивается перечнем, но детально разбирает причины: *Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К.* *Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова*. М., 2015.

⁵ См.: *Колоколов Н. А.* *Введение // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 5.

ния и анализа повседневной работы следователей, в ходе которой складываются механизмы трактовки правовых норм.

В-третьих, эта книга адресована обычным людям: тем, кому интересно, как устроен окружающий мир. Тем, кому, возможно, придется столкнуться с правоохранительной системой и кто хочет знать, что следует учитывать при общении со следователем и как нужно вести себя в его мире.

Что это за книга?

Социальный мир, частью которого мы все являемся, состоит из небольшого «общего» пространства и множества участков, об устройстве которых мы ничего не знаем. Большинство из нас понимает, как работает общественный транспорт. Те, у кого есть дети, более или менее представляют себе, как работает средняя школа — «завучи», «стандарты», «ЕГЭ» и проч. наполняются конкретным содержанием и становятся частью нашего мира, вполне определенным образом влияя на нашу жизнь.

Однако очень большая часть социального мира — это пространства, о которых мы лишь изредка слышим. Если последние полтора десятилетия человеку и его близким хватало здоровья или денег, чтобы не вступать во взаимодействие с государственной медициной, ему потребуется немало времени, чтобы разобраться в том, как работает обычная районная поликлиника: как записаться к врачу, где и какие бумаги получать, куда жаловаться, если что-то не устраивает, и т. п.

Что же говорить о таких сферах, как полиция, система органов опеки, система организации вахтовой работы в нефтедобывающей сфере или технология получения разрешений на строительство? Мы что-то слышали про то, как они устроены, возможно, видели сериалы и фильмы, им посвященные, или даже читали газетные статьи, где трагивались темы, с ними связанные. Но по большому счету мы не знаем ничего об их устройстве и способе работы. Между тем многие из этих сфер прямо или косвенно влияют на нашу жизнь.

Однако правоохранительная система — «черный ящик» не только для граждан. Президент постоянно говорит о том, что «пора снизить правоохранительное давление на бизнес», эксперты называют страшные цифры потерь, обусловленных тем, что бизнес в России непрерывно «кошмарят». Много лет ученые и правозащитники твердят о проблеме «обвинительного уклона» в следственной и судебной системе. Эти проблемы пытаются решать. Однако, несмотря на предпринимаемые меры и изменения законодательства, никаких ощутимых успехов в их решении не наблюдается.

Чтобы решить проблему, нужно понимать, что ее порождает: закономерности, по которым функционирует система. Воздействие на систему без понимания принципов ее работы не приводит к ожидаемым результатам. Защитные механизмы «черного ящика» поглощают любые меры, адаптируя их под потребности системы. С каждой из этих систем — полицией, судами, следствием — мы можем столкнуться в любой момент, причем, как правило, не по своему желанию, а в силу сложившихся обстоятельств. Никто не застрахован от того, чтобы оказаться жертвой преступления или его свидетелем. Любому может потребоваться справка или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от участкового (например, о том, что появившиеся ночью на машине повреждения — это результат не преступления, а падения дерева; без такой справки страховая компания не компенсирует стоимость ремонта).

Существует множество способов написать книгу, открывающую скрытую от внешнего наблюдателя реальность. Каждый из этих способов связан с определенной теоретической парадигмой. Первая из них — организационная социология (или социология организаций¹) — предлагает сфокусироваться на том, в какие формальные и неформальные структуры вписан участник (в нашем случае следователь): кому он подчиняется, как оцениваются результаты его работы и т. д. Вторая — институциональная социология² — рекомендует обратить внимание на то, каким правилам человек подчиняется, какие санкции следуют за их нарушение, кто и когда эти санкции применяет, формальны они или нет. Для институционалиста жизнь следователя — это движение в знакомом и привычном лабиринте, где всегда есть стенки-правила, а задача любого игрока — пройти максимально быстро и, по возможности, через стенки не перелезая. Можно назвать еще несколько парадигм, но эти две самые популярные.

Однако в 1980-х гг. набирает силу теоретическая парадигма, которая инкорпорирует многие инструменты социологии организаций, институциональной социологии и еще ряда смежных теоретических моделей, — социология профессий³. В рамках этого направления появляется возможность описать профессию как цельный феномен. Именно в этой логике написана наша книга.

¹ См. обзор: *Adler P. S.* The Oxford Handbook of Sociology and Organization Studies: Classical Foundations. Oxford, 2009.

² См. обзор: *Fligstein N.* The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton University Press, 2002.

³ См.: *Abbot A.* The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. University of Chicago Press, 1988; *Freidson E.* Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge. University of Chicago Press, 1986; *McDonald K. M.* The Sociology of the Professions. SAGE Publications, 1995.

Мы полагаем, что чисто юридические описания «статуса следователя» или его полномочий¹ очень важны, но недостаточны. Если мы хотим понять, как на самом деле работают формальные правила, то должны изучать их вместе с тем контекстом, в котором они существуют. Кроме того, исследователь не должен забывать еще об одном важном вопросе: как именно эти формальные правила применяются?

Приведем пример. Почему следователь обычно стремится успеть расследовать дело за два месяца? Формальный ответ, который даст юрист: потому что такой срок установлен ч. 1 ст. 162 УПК РФ. Ответ верный, но неполный. Юрист-инсайдер, практик, следователь или тесно общающийся со следователями специалист, добавит, что сроки, конечно, можно продлить до трех и даже до двенадцати месяцев, но процедура эта довольно длительная и весьма затратная, поэтому следователь будет стремиться ее избежать. Ответ, который даст социолог или экономист, дополнит ответ практика. Они опишут, почему процедура продления сопряжена с такими временными издержками, как именно сложная процедура становится результатом работы ведомственных регуляций и сложившейся бюрократической культуры, какую роль играет в этом отчетность, на основании которой оценивается работа следователя. В итоге их ответ будет следующим: потому что количество дел, расследованных в сроки свыше двух месяцев, является важным отрицательным показателем, и следователь может быть за это наказан². Эмпирическое исследование учитывает все ответы и связи между ними и позволяет создать цельное описание определенного фрагмента социальной реальности.

Социолог в этом плане всегда задает вопрос: а могло ли все это быть устроено иначе? Если бы эта норма (устанавливающая сроки расследования) осталась, но продление получалось бы автоматически или почти автоматически, а в отчетности эта графа отсутствовала, работали бы следователи так же? Как показывает практика ряда стран³, где аналогичная норма есть, но нет механизмов, поддерживающих ее выполнение (механизмов энфорсмент), — нет. В таких условиях следователи начинают постоянно игнорировать требования к срокам расследования.

¹ Собственно описанием юридического статуса следователя являются нормативные положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, более подробный разбор которых дается в комментариях к УПК РФ. Здесь и далее мы будем пользоваться этой аббревиатурой.

² См.: *Шклярук М. С.* Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы; *Шклярук М. С., Скугаревский Д. А.* Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет. СПб., 2015.

³ См.: *Hafetz J. L.* Pretrial Detention, Human Rights, and Judicial Reform in Latin America // *Fordham Int'l LJ.* 2002. 26. P. 1754.

Социологическое описание никоим образом не предполагает игнорирование формальных правил, которые регулируют работу. Оно просто дополняет аргументацию из разряда «потому что так положено» аргументами о том, почему и как данная норма работает. Мы полагаем, самой нормы закона недостаточно, чтобы реально менять жизнь, влиять на слова и поступки людей. Для того чтобы закон что-то изменил, необходима практика правоприменения, должен возникнуть механизм принуждения к соблюдению требований закона¹. В противном случае любой, даже самый лучший, закон станет игнорируемой или мертвой нормой, т. е. тем, что на реальную жизнь реальных людей никак не влияет².

Но вернемся к социологии профессий. Словом «профессия»³ социологи называют виды деятельности, которые связаны с применением на практике некоторого фундаментального знания. Представители профессии имеют формальную монополию на применение этого знания, которой сопутствуют жестко очерченные границы и механизмы саморегуляции⁴. Например, врачи или юристы в Америке. И те, и другие работают с определенным корпусом знаний (медицинских или юридических), и в том, и в другом случае нельзя работать в этой сфере, не имея образования, — практика без диплома является уголовным преступлением. Важным элементом профессии является корпорация — саморегулируемое объединение всех членов профессии, создающее формальные инстанции для проверки качества работы. И в том, и в другом случае самой корпорации делегировано право оценивать своих членов.

Если говорить о России, то ситуация с врачами у нас в общем сходна с американской. С юристами дело обстоит сложнее. Юридическая профессия в России, как и в ряде других стран Европы, оказывается разбитой на сегменты. Ее составляют адвокаты, следователи, прокуроры, судьи, корпоративные юристы и многие другие. Их объединяет название «юрист» и диплом о юридическом образовании, но определить их как сообщество довольно сложно. Общие профессиональные ассоциации если и есть, то относительно слабые, взаимный контроль между сегментами отсутствует.

¹ См.: *Black D. J.* The Mobilization of Law // *The Journal of Legal Studies*. 1973. P. 125—149.

² См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. *М. В. Антонова*; под ред. *В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова*. СПб., 2011.

³ Понятие вводит Талкотт Парсонс — один из основоположников американской социологии: *Parsons T. A.* Sociologist Looks at the Legal Profession // *Essays in Sociological Theory*. N. Y., 1950. P. 370—385.

⁴ См.: *Abbot A.* Op. cit.; *Freidson E.* Op. cit.; *McDonald K. M.* Op. cit.

Большинство следователей имеют юридическое образование и ежедневно занимаются применением права. Но каково их место в юридической профессии? Можно ли считать работу следователя зарождающейся профессией? Если так, то через некоторое время мы увидим отдельную следовательскую корпорацию. Образование, необходимое для занятия этой должности, станет отличаться от общеправового, а следствие приобретет все остальные черты профессии. Или следователей стоит изучать в качестве субпрофессии, как, например, отоларинголога среди прочих врачей? Тогда следователи — это или одна из частей юридического сообщества, замкнутая в себе и не влияющая на развитие профессии в целом, или, напротив, одно из ядер-оснований собирающейся, формирующейся в России единой юридической профессии. Если верно последнее и следователи станут ядром профессии, то именно они будут определять ценности и задавать правила для всех юристов. В сфере уголовного преследования следователям уже удалось распространить свои правила на большинство участников, при том что сами они этого не осознают.

А может быть, наоборот, следователи — «лишняя» часть юридического сообщества, и необходимо упразднение или радикальное реформирование следствия с разделением функций современного следователя между судом, прокуратурой и оперативными работниками полиции? Однако было бы ошибкой думать, что простое упразднение следствия решит все проблемы российской правоохранительной системы и в первую очередь проблему «обвинительного уклона». Причина этого в том, что работа следователей в том виде, в котором она существует сейчас, может измениться только вместе с трансформацией правил игры и соотношения сил в треугольнике «полиция — прокурор — суд». Задача реконструировать те правила игры, которые существуют сейчас и которые, возможно, следует менять, во многом определила структуру нашего исследования.

Итак, чтобы ответить на вопрос о месте и роли следователей в системе уголовного преследования в России в будущем, надо понять, что именно они делают на практике: посмотреть на то, как они работают, кем представлена эта группа специалистов, как устроена их повседневность.

Забегая вперед, попробуем обрисовать основные контуры следственной работы. Следователь в России — уникальная фигура. Во всем мире на досудебной стадии работают полиция и прокуратура (при этом соотношение их ролей может быть разным), в ряде же постсоциалистических стран к этому списку добавляются следователи — третье звено между полицейским/оперативником/детективом и прокуратурой. При этом роль прокуроров сужена — они не могут сами

принять решение по делу, они могут только вернуть его назад по цепочке — следователю. Сама же система уголовного преследования в России работает по принципу «сколько влилось, столько же должно вылиться»: реабилитация (т. е. признание невиновным в той или иной форме) с момента предъявления обвинения до осуждения (и на следствии, и в суде) составляет менее 1%.

Одной из важнейших причин этого является доминирование следствия в советский период и фактическое слияние суда с правоохранительными органами (догматически суд в СССР не являлся отдельной ветвью власти и относился к правоохранительным органам). Следователей всегда было больше, чем судей. Поскольку существует склонность сходных организаций перенимать практики друг друга (социологи называют это институциональным изоморфизмом), следствие стало «царицей» правоохранительных органов. Именно на манеру работы следователей стали ориентироваться суды и прокуратура. Вместо того чтобы стать стеной из юристов-профессионалов, которая не пропускает в суд (и прокуратуру) некачественные дела из полиции, следствие само сделалось судом (институтом, в котором практически окончательно решается вопрос виновности) и превратило суд в свое подобие.

О том, как это произошло и как работает эта система сегодня, и рассказывает, опираясь на анализ следственной работы в России, наша книга.

Какие данные лежат в основе книги?

Жанр этой книги — кейс-стади: социологическое описание одного конкретного объекта или случая¹. Основной вопрос исследования: как устроено то социальное пространство, которое мы условно можем назвать «следствие», и какое место в обществе оно занимает? Как в ходе взаимодействия между людьми, которые занимают определенные позиции в некоторых структурах, рождается практика «работы следователя»?

Одна из авторов много лет проработала рядовым следователем, руководителем небольшого отдела, сотрудником регионального следственного управления, правда, не в МВД, а в прокуратуре и Следственном комитете РФ. После перехода на работу в исследовательский институт этот опыт потребовал переосмысления. Результат этой рефлексии — понимание, что исследование начинается с осознания роли

¹ О том, какие бывают следователи вообще и почему так важны следователи МВД, см. главу 1.

организационных и социальных механизмов в принятии решений о применении закона¹.

В Институте проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, на базе которого проводилось исследование, было собрано некоторое количество интервью² со следователями (проект «Траектория уголовного дела»³). Целью этого проекта было понять, пусть и в общих чертах, роль следователей в уголовном процессе. Фонд Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив⁴ согласился профинансировать эмпирическую часть небольшого проекта, посвященного этой группе юристов. В рамках проекта были взяты интервью, в трех регионах был проведен опрос следователей.

Эти материалы легли в основу книги. Затем в рамках проекта «Исследование юридической профессии в России», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14-18-02219), был проведен подробный анализ собранного материала и взяты дополнительные интервью.

Также по ходу работы мы анализировали внутреннюю документацию, нормативные акты, материалы дискуссий, которые следователи ведут на профессиональных форумах, и другие источники. Кроме того, важным источником информации стали собранные в рамках других проектов Института проблем правоприменения сведения о том, как работают смежные подразделения: как работа следователя видится прокурору, оперативнику или начальнику ОВД.

Социологическое интервью — это один из самых старых и распространенных способов сбора социологической информации. По сути это беседа, которая может касаться относительно узкого круга вопросов (фокусированное интервью) или, напротив, затрагивать всю историю жизни/работы информанта (профессиональная биография). В ходе такого разговора исследователь, как правило, знает гораздо меньше о предмете беседы, чем информант. Информант рассказывает о том, как устроена та или иная часть жизни. Понятно, что информант может представлять дела чуть лучше, чем они есть, или просто обходить молчанием сложные моменты. В интервью с юристами возникает еще одна специфическая сложность. Информант может вместо рассказа, т. е. ответа на вопрос «А как Вы проводите обыск?», за-

¹ Подробнее см.: Шклярук М. С. От информанта к исследователю: авторефлексия, смена фокуса, проблемы интерпретаций // Антрополог глазами информанта/информант глазами антрополога / под ред. А. С. Архитовой, Н. Н. Рычковой. М., 2015. С. 25—37.

² О том, что такое социологическое интервью, см. ниже.

³ Результаты см.: Панях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. (Рукопись готовится к изданию).

⁴ НКО «Фонд Кудрина по поддержке гражданских инициатив». URL: <https://komitetgi.ru/about/fund>.